

Моск. правда - 1998 - 5 нояб. - с. 4

Трюкач

ДО И ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Елена КУРБАНОВА

Поклонники театра «Сатирикон», видевшие спектакль «Багдадский вор», наверняка долго будут помнить виртуозную работу Владимира Бадова - исполнителя главной роли. В жизни Бад, как ласково прозвали артиста друзья, чем-то напоминает своего багдадского героя: так же ироничен, так же зажигателен, так же легок на подъем. Настоящий порох - он мгновенно вспыхивает, входя в образ, едва лишь собеседник предоставит ему возможность. Разговор с артистом, как правило, мгновенно приобретает характер театрального действия. Причем вы оказываетесь зрителем, сидящим в первом ряду партера, а Бад - сценой, декорацией и всей труппой одновременно.

Наблюдая за этим фонтаном остроумия и театрального безумства, никак не верится, что Бад когда-нибудь бывает серьезным. Но близким друзьям удается увидеть его и таким - на съемочной площадке перед исполнением сложнейших каскадерских трюков.

- Владимир, ты - профессиональный актер, работаешь в трех театрах, у тебя - главные роли, постоянные съемки в кино. Все очень удачно складывается. Откуда такая тяга к каскадерской профессии?

- Риск - часть моей природы, способ моего существования. Это очень сложно объяснить. Это постоянная проверка себя. И постоянно возникающее чувство удовлетворения от преодоления собственного страха. Меня часто спрашивают, как вам удается, выполняя трюки, не

разбиваться? Вы знаете, по-моему, все дело в настрое на победу.

Вот я снимался с Щербаковым в фильме «Террористка» у режиссера Станислава Раздорского. Снимался эпизод, когда меня выбрасывали в воду из мчащегося автомобиля с моста. Моя задача была вылететь из машины на полном ходу, не врезавшись в столб, нырнуть под воду, вынырнуть, проплыть до противоположного берега, вылезти и бегом исчезнуть за горизонтом. Если бы я решился исполнить это все в жизни, то наверняка со мной раз десять что-нибудь случилось бы: или на полном ходу в опору на мосту бы влетел, или о воду бы живот отбил, или от неожиданности воды бы наглотался. Но у меня же задача другая: я в итоге должен исчезнуть «за горизонтом». Так написано в режиссерском сценарии. Люди на берегу стоят, ждут. Камера отцеливает метры дорожки, кодаковской пленки, а спонсорские деньги, отпущенные на фильм, - под жестким контролем. Лишнего дубля не отснимешь, а ответственность какая - вся страна на тебя смотреть будет!

Ну так вот, я в том эпизоде Щербакову говорю: «Ты чуть притормози, а я полечу!». Он так завернул, а ведь столько лет машину водит! Я, говорит, трюки делать не буду. Я ему отвечаю: «Да нет, трюки буду делать я, а ты только чуть притормози». «Жигули» низкие, дождь идет, ничего не видно. Щербаков волнуется страшно... В общем, все обошлось. А после съемок он мне говорит: «Спасибо тебе», - «За что?», - «Что цел остался. Такое впечатление, что я сам вместо тебя трюк делал».

Или, допустим, мы выполняли «полеты» с 18-го этажа. Был новогодний праздник. Мы выступали перед детьми на елке на открытом стадионе. И режиссер сказал: «Ребята, было бы здорово, если Дед Мороз

прилетел бы с неба и приземлился в самом центре стадиона».

Мы с ребятами сели обмозговывать, как это позффектнее сделать. Рядом со стадионом - 18-этажная башня. Метров двести до нее. Натянули трос с крыши. Лететь, правда, долго. Трос зацепили за огромный дуб на стадионе. Пока тянули трос, он попал на троллейбусные провода. Во всем районе погас свет... Потом режиссер говорил: «Странный Новый год какой-то. Козни, кто-то свет выключил по всему району. Прямо как у Булгакова - «Мессир не любит электрического света».

- Ты к чему эту цитату привел?

К тому, что нет в мире мистики. Есть различная степень знания. Трос - как тетива на морозе. Натянулся, того и гляди лопнет. И вот мне предстояло лететь.

Первые пять этажей - как в свободном падении. Сцепления никакого. Хотя лечу по тросу на карбине. А на середине «пути» проскакивает первая мысль: вот если сейчас что-нибудь оборвется, даже «мама» не хрюкнешь. Высоко... В момент полета в области груди что-то в комко собирается. Наверное, душа... От конечностей кровь к сердцу приливает. И энергия, и сознание, и внимание, и молитва - только перед носом на карбине. Не дай Бог - не

выдержит! Оборвется! Сломается! А лететь еще далеко. Вы знаете... Это был страшный полет. Может быть, один из самых страшных в моей жизни. Потому что я видел, как карabin плавился. На моих глазах. От трения. Хороший карabin. Из титана. Он выдерживает 2 тонны 300 кг, а во мне - только шестьдесят. А я думал: «Какой же я дурак, надо было какую-нибудь страховочку организовать!». Вот в такие минуты понимаешь все!

- Что именно понимаешь?

Цену жизни. Своей. Цену жизни близких людей. Очень хочется жить. И хотя говорят, что вот, мол, каскадеры ничего не боятся, это не так. Они не боятся до поры до времени. Пока делают трюк. А потом сидишь где-нибудь с друзьями за бутылкой вина и думаешь: «Ой, мама, а где бы ты сейчас мог бы быть! Вот чуть-чуть не довернул бы салто, и раз - шею нет!». И смерть. И так холодно становится...

- Бывает так, что ты отказываешься в последний миг выполнять трюк?

Есть неписаный закон среди людей этой профессии - если внутри что-то тормозит, хотя ты уже можешь стоять на краю крыши, то лучше вообще трюк не делать. И все ребята вокруг это понимают - сами переживали.

Вот зимой мы работаем на лошадах на детской новогодней елке. Помню, как однажды почувствовал неуверенность, оттого что пол бетонный, скользкий. И неуверенность мгновенно передалась коню. «Заходим» на гору (градусов под сорок), а потом надо с горы - вниз. Я на гапеле вылетаю на бетонку с дорожки. Упустил коня. Долго потом ходил и лечился. Слава Богу, я тогда вместе с конем хрюпнулся оземь.

- Почему «слава Богу»?

Потому что, если бы я хрюпнулся один, то ребят поил бы неделю. Обычай. К вечеру поил была красносиния. Так что во всех профессиях закон один: не уверен - не обгоняй! Но я заставил себя сесть на лошадь. Потом пошло: в десять часов утра мы садимся в седло, в пять вечера слезаем... А потом ребята-каскадеры пришли ко мне на «Багдадского вора».

- А там совсем другой Бадов. В белых одеждах...

Да, в театре совсем другая энергетика. Я почувствовал, как ко мне после того, как они посмотрели спектакль, стало меняться отношение. В конюшню у нас конюх был, маленький такой, Серега. Пришел ко мне на спектакль, а после спектакля курить бросил и пить. В конюшню - запахи, кто-то ругнуться может, атмосфера другая. Он, помню, у меня на конюшне спрашивает: «Бад, а что ты в театре-то делаешь?». «Скачу», - говорю. Он пришел, а я - в костюме, в гриме, Фарид-красавица рядом. Так этот Сергей на «вы» со мной заговорил, стал вдруг одеваться как-то иначе, следить за собой начал. И знаешь, что я подумал тогда? Значит, мы тоже делаем что-то в этой жизни. Что-то очень важное. Ведь Серега тогда на каждый спектакль стал ходить.

- Бад, ты - богатый человек?

Удивительно богатый. Мне не приходится размениваться. Я занят любимым делом. Я свободен. Я работаю в трех театрах. Я даже как-то сочувствую тем артистам, которые по тридцать спектаклей в месяц обязаны «отпахать».

В таком ритме нельзя творить, тональность не та.

- Что для тебя самое важное в сценическом действии?

Знаешь, раньше очень важен был отклик зрительного зала. Но с годами я стал ценить и саму возможность моего «излучения». Я сейчас вкладываю в это всю свою силу, энергию, талант. А после спектакля? Ко мне лучше не подходить... Меня нет. Я весь там.